

Уильям Тенн

Люди в стенах

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-312.9
ББК 84-445
У36

У36 **Уильям Тенн**
Люди в стенах / Уильям Тенн – М.: Книга по Требованию, 2012. – 60 с.

ISBN 978-5-4241-2146-3

Человек царь природы? Так было когда-то, но очень давно. Теперь люди живут в стенах домов, а в домах живут Чудовища. Для них остатки человечества – не более чем тараканы, живущие в кладовых. Может ли человечество, превратившееся в тараканов, бороться с Чудовищами, занявшими место людей?

ISBN 978-5-4241-2146-3

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Уильям Тенн
Люди в стенах

Человечество состояло из ста двадцати восьми человек.

Такая огромная толпа народа давным-давно заполнила более дюжины убежищ. Отряды Общества Мужчин занимали четыре самых внешних из взаимосвязанных коридоров и патрулировали их всеми своими силами — двадцать три молодых взрослых мужчины в расцвете мужества и боевой готовности. Они размещались здесь, готовые встретить лицом к лицу любую опасность, угрожающую Человечеству, и принять на себя первый удар, они, капитаны их отрядов и недавно принятые в общество юноши, которые им служили. Эрик Единственный был одним из вновь принятых в эти могучие ряды. Сегодня он еще был учеником воинов, слугой у испытанных, проверенных в бою мужчин. Но завтра, завтра... Завтра — день его рождения. Завтра его пошлют красть для Человечества. Когда он вернется — а не вернуться он не боялся: Эрик был быстрым, Эрик был умным, он вернется, — прочь полетит свободная набедренная повязка, которую носили мальчики. Ее заменят тесно прилегающие набедренные ремни гордого воина, члена Общества Мужчин. Он сможет свободно повышать голос и высказывать свое мнение в Советах Человечества. Он сможет смотреть на женщин, когда и сколько ему захочется, даже приближаться к ним... Он обнаружил, что бредет к концу убежища своего отряда, все еще сжимая в руках копье, которое затачивал для своего дяди. Там, где начиналось убежище Общества женщин, готовили еду, украденную из кладовых Чудовищ в тот день. Каждое заклинание необходимо было произнести должным образом, каждое слово должно быть выговорено абсолютно правильно, иначе пища может оказаться несъедобной, и даже опасной. Как все-таки везет Человечеству: у него есть много легко доступной еды и женщины, хорошо знающие таинство приготовления ее для человеческого потребления.

Женщины — это такие замечательные существа!

Сара Целительница Людей, например, всегда умеющая каким-то невероятным образом определить, какая еда годится, а какая нет; ее единственная одежда — облако волос, которое то открывает, то закрывает ее бедра и груди, самые крупные во всем Человечестве. Вот женщина для тебя! Более пяти пометов, два из них самые большие...

Эрик наблюдал, как она водит по кругу желтым куском съестного под слабым светом свисающей с потолка лампы в поисках чего-то известного только ей одной и узнавая это что-то, обнаружив его только ей одной известным образом. Имея такую подругу, мужчина мог ходить задрав нос.

Но она была женой вождя отряда и совсем не для него. Хотя ее дочери, Сельме Мягкокожей, вероятно, польстило бы его внимание. Она все еще носила волосы, забранные в тяжелый пучок, пройдет еще по крайней мере год, прежде чем Общество Женщин станет считать ее посвященной и позволит ей прикрыть волосами свою наготу. Нет, она слишком молода и незначительна для мужчины, стоявшего на пороге принятия в ряды воинов. Еще одна девушка привлекла его внимание. Она наблюдала за ним на протяжении некоторого времени, пряча улыбку под ресницами и в уголках рта. Гарриэт Рассказчица Истории, старшая дочь Риты Хранительницы Записей, когда-нибудь сменит свою мать. Она была

милой стройной девушкой с полностью распущенными волосами — знаком признания ее женской зрелости и профессионального статуса. Эрик и раньше ловил ее едва заметные, брошенные украдкой в его сторону взгляды, особенно в последние несколько недель, по мере приближения времени его кражи. Он знал, что если ему повезет, — а ему должно повезти — не сметь думать ни о чем, кроме успеха! — она с благосклонностью будет ожидать от него заигрываний. Правда, Гарриэт была рыжей, и следовательно, согласно поверью Человечества, невезучей. Вероятно, ей было нелегко найти себе пару. Но его собственная мать тоже была рыжей.

Да, мать Эрика действительно была ужасно невезучей.

Даже отец заразился ее кошмарным невезением. И все же, Гарриэт Рассказчица Истории была для своего возраста важным лицом в племени. К тому же хорошенъкая. И, главное, она не отворачивалась от него. Она улыбалась ему, теперь уже открыто. Он улыбался ей в ответ.

— Посмотрите на Эрика, — услышал он чей-то голос за спиной. — Он уже ищет себе подругу. Эй, Эрик, ты еще не надел ремни. Сначала надо украсть. А пароваться потом. — Эрик резко повернулся, остатки мечтаний все еще дрожали на его губах.

Группа молодых людей стояла возле стены его убежища. Смех перекатывался от одного к другому. Они все были взрослыми, все уже совершили свои кражи. Социально они превосходили его. Его единственным выходом было хладнокровное достоинство.

— Я знаю это, — начал он. — Не может быть и речи о паровании до...

— ...До никогда, для некоторых, — перебил его один из молодых людей. Он небрежно и гордо бряцнул копьем, которое сжимал в руке. — После того как ты совершишь кражу, ты должен будешь еще убедить женщину в том, что ты мужчина. И некоторым мужчинам приходится убеждать очень долго. Ужасно долго, Эрик Ноль.

Взрыв смеха еще более сильный, чем раньше, долетел до него. Эрик Единственный почувствовал, что краснеет. Как смеют они напоминать ему о его рождении? В этот самый великий из всех дней? Он здесь, чтобы приготовиться к Краже для Человечества...

Эрик бросил точильный камень в сумку и провел рукой по дядиному копью.

— По крайней мере, — выговорил он медленно и четко, моя женщина будет пребывать в уверенности, Рой Бегун. Она не будет вечно открыта для предложений всех остальных мужчин племени.

— Ах ты, паршивый одиночка! — завопил Рой Бегун и, выпрыгнув из толпы, сгруппировался, сжал копье в руке. — Ты хочешь получить дыру в животе. Моя женщина имела от меня два помета, два больших помета. А что бы дал ей ты, грязный одиночка?

— У нее было два помета, но не от тебя, — бросил Эрик Единственный, выставив копье перед собой. — Если отец — ты, то в таком случае, светлые волосы вождя заразны, как свинка.

Рой взревел и нанес удар копьем. Эрик парировал его и ударил в свою очередь. Его копье не попало в цель, так как противник успел отскочить в сторону. Они ходили кругами друг вокруг друга, извергая проклятия и оскорблений, не сводя глаз с наконечников копий. Остальные молодые люди отошли в глубь убежища,

чтобы освободить им место. Властная рука неожиданно схватила Эрика сзади за талию и подняла в воздух. Затем последовал сильный удар ногой, такой сильный, что он сделал, спотыкаясь, полдюжины шагов и упал. В следующее мгновение вскочив на ноги, все еще сжимая копье, он резко повернулся, готовый к схватке с новым противником. Он настолько обезумел в тот момент, что мог сразиться со всем Человечеством...

...Но не с Томасом Уничтожителем Ловушек. Нет, он обезумел не настолько.

Вся его агрессивность исчезла, когда он узнал капитана своего отряда. Он не мог драться с Томасом, своим дядей, Величайшим из всех людей. Он виновато направился к нише в Стене, где хранилось оружие отряда, и поставил копье своего дяди на положенное ему место.

— Что, черт побери, на тебя нашло, Рой? — послышался голос Томаса за его спиной, — дерешься на дуэли с новопосвящаемым? Где твой отрядный дух? Только этого сейчас не хватает, чтобы вместо шести полноценных воинов у нас осталось пять. Прибереги свое копье для Чужаков или, если ты настолько смел, — для Чудовищ.

— Я не дрался на дуэли, — пробормотал Рой, убирая свое копье. — Этот ребенок слишком много себе позволил. Я наказывал его.

— Так ты наказываешь ударами копья? Между прочим, это мой отряд, и здесь наказываю я. А теперь выходите отсюда, все. Готовьтесь к совету. Я сам займусь этим мальчишкой.

Они послушно вышли, не оглядываясь. Отряд Уничтожителя Ловушек славился своей дисциплиной по всему Человечеству. Какая честь быть его членом! Но когда тебя называют мальчишкой перед членами отряда... Мальчишка — когда он уже совсем взрослый и готов отправиться красть!

Хотя, если хорошенько подумать, лучше пусть тебя называют мальчишкой, чем одиночкой. Мальчик со временем становится мужчиной, а одиночка остается одиночкой навсегда. Может, дядя разрешит эту проблему.

— Разве не может быть, я имею в виду, возможно ли, что у моего отца были дети от другой женщины? Ты говорил мне, что он был одним из лучших воров, которые у нас когда-либо были.

Капитан отряда повернулся и внимательно посмотрел на племянника. Руки его были сложены на груди и раздувшиеся бицепсы производили впечатление величия и силы. Они блестели при свете крошечного фонарика, привязанного к лбу, фонарика, который могли носить только полноценные воины. Через некоторое время старший мужчина покачал головой и очень мягко сказал:

— Эрик, Эрик, забудь об этом, мальчик. Он был всем тем, что о нем говорят, и даже больше. Твой отец был знаменит. Мы его звали Эрик Опустошитель Кладовых. Эрик Смеющийся над замками, Эрик Неукротимый Вор. Он научил меня всему, что я знаю. Но он был женат всего лишь раз, и если какая-нибудь другая женщина когда-нибудь и заигрывала с ним, то она была очень осторожной, и никто об этом не знал. А теперь зачехли эти копья. Они все покрылись влагой. Древки вместе, вот так, остриями вверх, и подровняй.

Эрик расставил кучу оружия как полагалось. Это было его обязанностью. Он снова повернулся к дяде, осматривавшему мешки и фляги, которые они возьмут с собой в экспедицию.

— Предположим, что существовала другая женщина. Мой отец мог иметь

два, три, даже четыре помета от разных женщин. К тому же супербольшие пометы. Если бы мы смогли доказать это, меня больше не называли бы одиночкой. Я не был бы Эриком Единственным.

Уничтожитель ловушек вздохнул и на некоторое время задумался. Затем он вытащил из петли за спиной копье и взял Эрика за руку. Дядя вел юношу вдоль убежища, пока они не очутились в самом его центре. Он внимательно посмотрел на видневшиеся в обоих концах входы, желая убедиться, что они совершенно одни, прежде чем произнес необычно тихим приглушенным голосом.

— Мы никогда не сможем доказать ничего подобного. Если ты не хочешь быть Эриком Единственным, если ты хочешь стать Эриком каким-то еще, тогда все зависит от тебя. Ты должен совершить хорошую кражу. Именно об этом ты и должен теперь все время думать — о своей краже. Эрик, какую категорию ты собираешься объявить?

Юноша не особенно над этим задумывался.

— Думаю, как обычно. Ту, которая выбирается для большинства посвящаемых. Первую.

Старший недовольно сжал губы.

— Первая категория. Еда. Ну что же...

Эрик сообразил:

— Ты хочешь сказать, что такой как я, единственный, которому действительно приходится создавать себе имя, должен поступить как настоящий воин? Мне следует сказать, что я совершу кражу второй категории — предметы, полезные для Человечества? Мой отец поступил бы таким образом?

— Знаешь, что сделал бы твой отец?

— Нет. Что?

— Он выбрал бы третью категорию. Именно это объявлял бы сейчас и я, если бы проходил церемонию посвящения, и я хочу, чтобы именно это объявил ты.

— Третью категорию? Сувениры Чудовищ? Но никто не выбирал третью категорию, не знаю, с каких пор. Почему это должен сделать я?

— Потому что это нечто большее, чем просто церемония посвящения. Это могло бы стать началом новой жизни для всех нас.

Эрик нахмурился. Что может быть больше, чем церемония посвящения и признание его полноправным мужчиной?

— Сейчас в Человечестве кое-что происходит, — продолжал Томас Уничтожитель Ловушек странным напряженным голосом. — Большие дела. И ты становишься их участником. Эта твоя кража, если ты совершишь ее как положено, если ты сделаешь то, что я тебе сказал, наверняка сорвят покрывало с замыслов вождя.

— Вождя? — Эрик почувствовал замешательство, словно шел по незнакомому убежищу без фонарика. — Что общего между вождем и моей кражей?

Его дядя снова осмотрел оба выхода из коридора.

— Эрик, что является самым важным из того, что можем мы, ты или кто-нибудь еще сделать? Для чего мы живем? Для чего мы здесь?

— Ну это легко, — хмыкнул Эрик. — Это самый легкий из существующих вопросов. Любой ребенок может на него ответить: «Наноси ответные удары Чудовищам», — процитировал он. — Прогони их с планеты, если можешь. Отвой Землю для Человечества, если можешь. Но главное: наноси ответные удары Чудовищам. Заставь их страдать так, как они заставили страдать нас. Заставь их

помнить, что мы все еще здесь, что мы все еще боремся. Наноси ответные удары Чудовищам».

— Наноси ответные удары Чудовищам. Правильно. Ну и как мы это сделаем?

Эрик Единственный удивленно посмотрел на дядю. Этого вопроса не было в наставлениях. Должно быть, он что-то не так услышал. Его дядя не мог ошибиться в таком ритуале.

— Мы сделаем это, — продолжал он, давая второй ответ, голос его зазвучал нараспев, как во время уроков в детские годы, — сохранив науку и технологию наших праотцов. Когда-то Человек был властелином всего мира; его наука и технология давали ему превосходство. Наука и технология — вот то, что нам необходимо, чтобы наносить ответные удары Чудовищам.

— Ну а теперь, Эрик, — мягко спросил дядя, — пожалуйста, скажи мне, что, черт возьми, такое — технология?

Это было уже совсем далеко. Они отклонились от нормального порядка наставлений на целый коридор.

— Технология — это... технология — это... — он споткнулся о незнакомую словесную преграду. — Ну, это то, что знали наши предки. Технология — это то, что необходимо, чтобы делать водородные бомбы или вести экономическую войну или изготавливать управляемые ракеты — в общем, для того, чтобы получить то мощное оружие, которым обладали наши предки.

— Принесло ли это оружие им какую-нибудь пользу? Я имею в виду, в борьбе с Чудовищами. Они остановили Чудовищ?

Мгновение у Эрика был совершенно ошарашенный вид, затем он повеселел. О! Теперь он знал дорогу. Он знал, как вернуться назад к наставлениям:

— Внезапность атаки...

— Прекрати это! — приказал ему дядя. — Не рассказывай мне эту чепуху! Внезапность атаки, вероломство Чудовищ — как ты думаешь, это похоже на объяснение? Только честно? Если твои предки действительно были властелинами мира и имели такое мощное оружие, могли бы Чудовища победить их? Я водил свой отряд в десятки походов, и я знаю цену неожиданной атаки, но поверь мне, она хороша только для быстрого удара и поспешного отступления, если ты сталкиваешься с превосходящими тебя силами. Ты можешь сбить кого-то с ног, если он этого не ожидает. Но если он действительно сильнее, чем ты, ты не одержишь верх. Так ведь?

— Я... Я не знаю. Откуда мне знать.

— А я знаю. Я знаю по опыту многочисленных схваток. Нужно запомнить следующее: когда наших предков сбили с ног, они так и не поднялись. Это значит, что их наука и технология имели не такое уж первостепенное значение. А это значит... — при этих словах он повернул голову и посмотрел прямо в глаза Эрику, — это значит, что наука и технология наших предков гроша ломаного не стоили против Чудовищ, и ничего не будут стоить впредь!

Эрик Единственный побледнел. Он понимал, что такое ересь.

Дядя похлопал его по плечу и глубоко вздохнул, словно наконец выплюнул что-то чрезвычайно неприятное. Он придвинулся ближе, глаза его засияли под светом маленького фонарика, голос упал до резкого шепота.

— Эрик, когда я спросил тебя, как мы наносим ответный удар Чудовищам, ты ответил мне, что мы должны делать. Однако мы ничего не делали, чтобы

побеспокоить их. Мы не знаем, как восстановить науку наших предков, у нас нет ни инструментов, ни оружия, ни технологии — чем бы она ни была — но все это не принесло бы нам ни капельки пользы, даже если бы оно у нас было. Потому что однажды все это уже потерпело поражение. Все это потерпело полное поражение в пору своего расцвета. Сейчас просто нет смысла пытаться создавать это заново.

И Эрик понял. Он понял, почему его дядя перешел на шепот, почему в его словах было столько напряжения. Здесь дело было связано с кровопролитием, с кровопролитием и смертью.

— Дядя Томас, — прошептал он прерывающимся голосом, хотя прилагал все усилия, чтобы говорить ровно и твердо, — давно ли ты стал человеком чужой науки? Когда ты оставил науку предков?

Томас Уничтожитель Ловушек погладил копье, прежде чем ответить. Он прикоснулся к нему нежно, почти бессознательно, но они оба мысленно отметили тот факт, что оно готово к удару. Огромное тело капитана, на котором были лишь опоясывающие бедра ремни и легкая петля для копья, висящая на спине,казалось, тоже было готово броситься мгновенно в любом направлении. Он снова перевел взгляд от одного конца убежища к другому, луч фонарика, прикрепленного к его лбу, пронизал сгустившуюся у входов темноту. Эрик тоже осмотрелся. Никто не слушал их прижавшихся к стене и затаив дыхание.

— С каких пор? С тех пор, как узнал твоего отца. Он был в другом отряде. Естественно, мы нечасто встречались до того, как он женился на моей сестре. Хотя я слышал о нем: все в Обществе Мужчин слышали о нем: он был великим вором. Но когда он стал моим зятем, я от него многое узнал. Я узнал о замках, о самых последних ловушках — и еще я узнал о чужой науке. Он обратил твою мать, и он обратил меня.

Эрик Единственный попятился.

— Нет! — закричал он. — Только не мои отец и мать! Они были порядочными людьми — когда их убили, в их память была проведена служба. Они жили для блага науки наших предков...

Дядя прижал к его губам мощную ладонь.

— Заткнись, ты, чертов дурак, или угрошишь нас обоих! Конечно, твои родители были порядочными людьми. Как ты думаешь, их убили? Твоя мать оказалась вместе с отцом на территории Чудовищ. Ты когда-нибудь слышал, чтобы женщина ходила со своим мужем на кражу? И брала с собой маленького ребенка? Ты думаешь, это была обычная кража у Чудовищ? Они были людьми чужой науки, и служили ей верой и правдой.

Эрик посмотрел в глаза дяде поверх руки, зажимавшей его рот. Люди чужой науки... служили верой и правдой... Ты думаешь, это была обычная кража... Он никогда не задумывался над тем, странным фактом, что его родители отправились на территорию Чудовищ вместе, мужчина взял свою жену, а женщина — своего маленького ребенка! Когда он расслабился, дядя убрал руку.

— Что это была за кража, во время которой погибли мои родители?

— На такую же отправишься ты, — ответил Томас. — Если ты сын своего отца. Если ты настоящий мужчина и можешь продолжить дело, которое начал он. Это так?

Эрик хотел было кивнуть, но почувствовал, что только вздрогнул, и просто опустил голову. Он не знал, что сказать. Его дядя — да, его дядя всегда был образцом для него, его вождем, сильным, мудрым и опытным. Его отец... Естественно, он хотел бы следовать примеру своего отца и продолжать начатое им дело, каким бы оно ни было. В конце концов, это церемония его посвящения, и для того, чтобы доказать свое право называться мужчиной, надо будет подвергнуться достаточной опасности. Но выбрать для церемонии посвящения задание, которое привело к смерти его отца, величайшего вора племени, к тому же еретическое, богохульственное задание...

— Я попробую. Не знаю, смогу ли я...

— Ты сможешь, — с жаром уверил его дядя. — Все уже подготовлено для тебя. Все будет так, словно ты идешь по прорытому убежищу, Эрик. Тебе придется только пройти через совет. Ты должен быть непреклонным, что бы ни случилось. Ты скажешь вождю, что выбираешь третью категорию.

— Но почему третью? — спросил Эрик. — Почему это должны быть сувениры Чудовищ?

— Потому что это то, что нам необходимо. И ты держись своего, как бы они на тебя не нажимали. Помни: посвящаемый имеет право сам решать, что он будет красть. Первая кража мужчины — его личное дело.

— Но послушай, дядя...

В конце убежища раздался свист. Томас Уничтожитель Ловушек кивнул в сторону сигнала.

— Мальчик мой, совет начинается. О походе мы поговорим позже. А сейчас запомни следующее: кража третьей категории — твоя собственная идея, исключительно твоя собственная. Забудь обо всем, о чем мы с тобой говорили. Если у тебя возникнут проблемы с вождем, не смущайся, я буду там. В конце концов, я твой крестный отец. — Он обнял своего сбитого с толку племянника и пошел в конец коридора, где его ждали другие члены отряда.

2

Племя собралось в центральном, самом просторном убежище под большими висячими лампами накаливания, которые использовались только в этом месте. За исключением нескольких часовых во внешних коридорах, все Человечество собралось здесь. Это было захватывающее дух зрелище.

На небольшом бугорке, называемом Королевский Холм, восседал Франклин Отец Многих Воров, вождь всего Человечества. Он единственный демонстрировал тяжесть живота и вялость рук — ибо он один имел привилегию вести мало-подвижный образ жизни. Рядом с крепкими мускулистыми капитанами отрядов, его непосредственным окружением, он выглядел почти женственно, и одним из его многочисленных титулов был просто Человек. Да, несомненно, Человеком Человечества был Франклин Отец Многих Воров. Об этом можно было судить по притихшим, уважительно замершим воинам, стоявшим на некотором расстоянии от холма. Об этом можно было судить по взволнованному интересу женщин, стоявших в другом конце огромного убежища, согласно обычаю Общества Женщин. Об этом можно было судить по нервозности и неприязни, с какой на других женщин смотрела главная среди них — Оттили, Первая Жена Вождя. И наконец, об этом можно было судить по лицам детей, стоявших вдалеке неорганизованной толпой. Лица большинства из них имели неоспоримое сходство с лицом Франклина. Франклин хлопнул в ладоши — раздались три тяжелых с равными промежутками удара.

— Во имя наших предков, — начал он, — и науки, при помощи которой они правили Землей, я объявляю Совет открытым. Пусть он станет еще одним шагом в овладении их наукой. Кто просит слова?

— Я, — Томас Уничтожитель Ловушек вышел из своего отряда и встал перед вождем.

Франклин кивнул и продолжал вести собрание, задав следующий формально полагающийся вопрос.

— По какой причине?

— В качестве капитана отряда я обращаю ваше внимание на кандидата в мужчины. Члена моего отряда, копьеносца в течение положенного времени, принятого учеником в Общество Мужчин. Моего племянника Эрика Единственного.

Когда его имя было произнесено, Эрик вздрогнул. Отчасти по собственному побуждению, отчасти повинуясь толчкам, полученным от других воинов, он, спотыкаясь, подошел к своему дяде и встал лицом к вождю. Этот самый важный момент в его жизни оказался очень трудным для него. Так много людей в одном месте, испытанных и знаменитых воинов, привлекательных и обладающих знаниями женщин, сам вождь, — и все это после шокирующих откровений его дяди... Он чувствовал, что вряд ли в состоянии мыслить ясно. А ему было жизненно необходимо мыслить ясно. Его ответы на следующие несколько вопросов должны быть точными и правильными.

Вождь задал первый из них:

— Эрик Единственный, ты обращаешься с просьбой считать тебя полноправным мужчиной?